

— Ах да, сейчас, — Янь Сюй схватил полотенце и халат и буквально вбежал в ванную.

В ванной ещё стоял пар и витал аромат геля для душа, которым пользовался Цзин Цичэнь. Янь Сюй невольно представил, как тот выглядел всего несколько минут назад. Он даже вообразил, как Цзин Цичэнь принимает душ: его руки скользят по грудным мышцам, прессу, рукам и ногам, а затем...

Стоп! — мысленно крикнул себе Янь Сюй.

Такие мысли были слишком опасны.

Он посмотрел на свою «поднявшуюся мачту», смущённо и неловко сжал её и снова занялся «самообслуживанием».

Маленькая кровать Дань-Даня и Сяо Дуньэра находилась в комнате Янь Сюя. На ней была горка, которая днём служила для игр, а ночью — для сна. Дань-Дань не спал, ожидая, когда папа и дядя лягут на большую кровать.

Янь Сюй и Цзин Цичэнь заняли каждый свою сторону. Оба привыкли спать в одиночестве, поэтому сейчас чувствовали себя неловко. Они лежали, словно мумии, вытянувшись на спине, сложив руки на груди, будто только что вылезли из гроба.

Однако Дань-Дань не обращал на это внимания. Для него главным было то, что папа и дядя лежат на одной кровати. Его миссия была выполнена.

Довольный собой, Дань-Дань заснул с улыбкой на лице.

Ему снилось, что дядя стал его мамой. Мама готовила дома, а папа работал. Мама даже училась искусству икебаны, украшая дом, гуляла с Дань-Данем и покупала ему красивую одежду...

Янь Сюй, лежащий рядом с Цзин Цичэнем, думал, что не сможет уснуть, но оказалось, что он зря волновался. После дневного стресса в доме с привидениями и катания на американских горках он был настолько уставшим, что заснул, как убитый, меньше чем через десять минут.

Перед сном все фантазии превращались в пустые мечты.

Цзин Цичэнь тоже не мог заснуть, лежа неподвижно на кровати. Раньше он засыпал только на своей кровати, вырезанной из дерева тунг. Но сейчас, по неизвестной причине, он иногда мог крепко спать даже на диване Янь Сюя и просыпался отдохнувшим.

А ведь он никогда не спал нигде, кроме своей кровати из тунга.

Глядя на спящего Дань-Даня, Цзин Цичэнь почувствовал теплоту в сердце. Он хотел повернуться к Янь Сюю и заговорить, но, обернувшись, увидел, что тот уже спит.

Более того, Янь Сюй перевернулся на бок, лицом к Цзин Цичэню, губы слегка приоткрылись, и даже был виден розовый кончик языка — зрение Цзин Цичэня было отличным.

Не найдя собеседника, Цзин Цичэнь закрыл глаза и попытался заснуть.

Но не прошло и двух минут, как он почувствовал тяжесть на плече — Янь Сюй, который мирно спал на подушке, почему-то умудрился положить голову на его плечо.

Это было не очень удобно. Цзин Цичэнь другой рукой осторожно приподнял голову Янь Сюя, пытаясь незаметно освободить свою руку.

Но Янь Сюй снова подвинулся к нему, и в итоге рука Цзин Цичэня оказалась за его шеей. Теперь это выглядело так, будто Цзин Цичэнь обнимал Янь Сюя. Движение было естественным и гармоничным.

После нескольких попыток Цзин Цичэнь сдался.

Его подбородок упёрся в голову Янь Сюя. Тот только что помыл голову, волосы были слегка влажными, но чистыми, с приятным ароматом шампуня. Цзин Цичэнь закрыл глаза и наконец заснул.

На следующее утро солнечные лучи пробились через незашторенное окно, разбудив Янь Сюя. Он привычно потёр глаза, провёл рукой по лицу и собрался встать, но тут же испугался собственных действий.

Он спал в объятиях Цзин Цичэня, его голова лежала на груди, а рука, которой он только что тёр глаза, явно до этого лежала на талии Цзин Цичэня. Одна нога перекинулась через всё его тело, устроившись на бедре.

Эта картина заставила Янь Сюя почувствовать, будто он готов провалиться сквозь землю.

Он осторожно убрал свои руки и ноги, вернув руку Цзин Цичэня на место.

Хорошо, что он не пускал слюни во сне, но вдруг он говорил во сне? Чжан Лэнсюань как-то упоминал, что Янь Сюй скрипит зубами, когда нервничает.

Это было ужасно!

Янь Сюй чуть ли не сбежал в ванную, на ходу надевая тапочки.

Как только он вышел из комнаты, Цзин Цичэнь проснулся. Он потрогал свою грудь, где, казалось, ещё оставался след от Янь Сюя.

— Дядя, доброе утро! — Дань-Дань потёр глаза, разбудил Сяо Дуньэра и бодро поздоровался с Цзин Цичэнем.

Цзин Цичэнь легко ответил:

— Доброе утро, Дань-Дань.

— Дядя, Дань-Дань хочет на завтрак сэндвич, и братик тоже хочет! — заявил Дань-Дань с серьёзным видом.

— ... — «Братик», которого разбудили, в отчаянии снова плюхнулся на кровать.

Дань-Дань всегда вставал рано и был полон энергии.

Сяо Дуньэр позволил себе полежать ещё пять минут, прежде чем встать.

— Братик, вставай, завтрак! Будет сэндвич! — с энтузиазмом закричал Дань-Дань.

Сяо Дуньэр с отчаянием пробормотал:

— Дай мне ещё пять минут...

Дань-Дань кивнул, проявив понимание:

— Ладно!

Затем он надел свои маленькие тапочки, встал на табуретку и начал умываться, напевая: «Широка река, волны бьются о берег, ветер разносит аромат риса...» И, что удивительно, он пел без фальши, даже высокие ноты брал легко.

Видимо, Дань-Дань не унаследовал его хриплый голос, с облегчением подумал Янь Сюй.

— Ты приготовишь завтрак? — спросил Янь Сюй, увидев, что Цзин Цичэнь уже стоит на кухне.

Цзин Цичэнь кивнул:

— Дань-Дань хочет сэндвич.

Сэндвич состоял из двух кусочков тоста, жареного яйца, ветчины и листа салата. Это был простой завтрак, и ветчину можно было заменить беконом. Но он был вкусным, особенно с молоком, и Дань-Дань с Сяо Дуньэром всегда съедали всё до крошки.

Только в сэндвиче Сяо Дуньэра не было яйца, зато было больше ветчины и бекона.

— Сегодня Дань-Дань наденет розовый комбинезон! — Видимо, из-за того, что у Сяо Дуньэра была розовая шапка, Дань-Дань тоже почему-то полюбил этот цвет.

Теперь у него была розовая шапка, розовая футболка, розовые шорты, розовые носки и розовые туфли. И он не хотел носить их по отдельности, только в комплекте. На улице он выглядел так, будто стремился покорить вселенную своим розовым цветом.

Даже Сяо Дуньэр говорил, что полностью розовый наряд выглядит не очень.

Но самовлюблённый Дань-Дань не обращал на это внимания, считая, что у братика просто плохой вкус. Однако, чтобы не обидеть его, Дань-Дань не говорил этого вслух.

Янь Сюй тоже не знал, как справиться с этой странной любовью Дань-Даня к розовому цвету, но, по крайней мере, розовый комбинезон можно было сочетать с белой футболкой и белыми кроссовками. Это выглядело мило и подходило для маленького ребёнка.

Многие за спиной шептались, что Янь Сюй воспитывает сына как дочь.

Но Янь Сюй не обращал на это внимания, ведь главное было то, что Дань-Дань счастлив.

Примерно через десять минут сэндвичи были готовы. Сяо Дуньэр спал так крепко, что Дань-Дань пришлось будить его целых пять минут.

— Дядя Янь, ты можешь попросить учителя дать мне выходной? — Сяо Дуньэр, сонно глядя на свой сэндвич, совсем не хотел есть. — Я так хочу спать...

Янь Сюй потрогал лоб Сяо Дуньэра, температуры не было, значит, он не простудился:

— Сяо Дуньэр, тебе где-то больно? Голова болит? Живот болит?

Сяо Дуньэр покачал головой:

— Ничего не болит, просто хочу спать.

Это была обычная детская лень. Янь Сюй мягко спросил:

— Сяо Дуньэр, разве ты не хочешь увидеть учителя и друзей? Разве ты не хочешь рисовать? А если Цзян Янь ждёт тебя в школе и узнает, что ты не пришёл, потому что хотел поспать, он ведь расстроится?

<http://bllate.org/book/15574/1386939>